

Необходимо ли, для объяснения таких расхождений междиалектное общение? Наоборот, они слагались сбособленно в каждом из этих говоров. Достаточно поставить вопрос, существовали бы или нет эти соответственные явления, если бы не было „целостного языкового общения“, чтобы убедиться в том, что их возникновение и существование не нуждается в признании такого общения.

Больше того, нетрудно видеть, что процессы междиалектного общения разрушают и осложняют эти унаследованные от изолированного развития диалектов соответствия. Так, если мы возьмем указанное выше соответствие *ц* и *ч* в одних говорах и одного *ц* в других, то под влиянием общения, с одной стороны, цокающие говоры могут усвоить в большем или меньшем количестве случаев, устойчиво или с колебаниями, звук *ч*, с другой стороны, в нецокающих говорах оказываются отдельные случаи цоканья, например, слова *цапля* в литературном языке.

Подобные заимствования из одного говора в другой разрушают последовательность расхождений между диалектами.

Как показывает данный пример, то взаимное влияние, которое устанавливается на основе возникающего междиалектного общения, приводит к затемнению былых соотношений, и поэтому это „синхронное“ отношение характеризуется совсем иными направлениями, чем приводимые Р. И. Аванесовым „соответственные явления“. Важно, что в связи с этим влиянием общения разрушается и та закономерность, которую Р. И. Аванесов считает характерной для общей фонетической системы русского языка: „Соотносительность заключается в том, что в тождественных условиях одному диалекту присуща одна языковая особенность, другому — соответствующая другая: таким образом, в фонетической системе одного и того же диалекта эти особенности взаимно исключаются“ (215). Помимо случаев полной неустойчивости произношения в одном говоре, напр., при смешении *ц* и *ч*, такие случаи, как *север* и *сиверко* в литературном языке, или *мечик* 'мячик', *опеть* при *пять*, *прячь* в одном говоре, говорят о том, что такого взаимного исключения двух рефлексов может не быть, и опять это как раз результат междиалектного общения. Таким образом, выявляются два аспекта: во первых, закономерности развития диалектов на почве обособления пользующегося ими населения и, во-вторых, процессы объединения диалектов на почве устанавливающегося междиалектного общения. Эти два вида изменений характеризуются очень разными закономерностями.

На основе общения возникает ряд процессов, которые в целом сводятся к проблеме взаимного влияния диалектов, но эти отношения остались вне поля зрения автора. В этом отношении характерно его заявление: „Я не касаюсь здесь вопросов нивелировки диалектов под воздействием литературного языка“ (сноска на 213 стр.). В статье также отсутствует какое-либо упоминание о смешанных говорах, и только поэтому соответственные явления и представляются такими последовательными. В то же время вопросы взаимовлияния говоров имеют огромное значение и для прежних эпох развития диалектов. Так Шахматов объяснял действием взаимовлияния ряд процессов, совершавшихся в историческое время и охвативших все диалекты¹.

В частности рассмотрение влияний одних говоров на другие ставит ряд проблем в отношении фонетического строя диалектов.

Прежде всего, это вопрос о том, как осуществляется „целостное языковое общение“, обусловленное социальными потребностями нашей эпохи, при наличии расхождений в фонетических системах разных

¹ А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. 1916, стр. 114—121